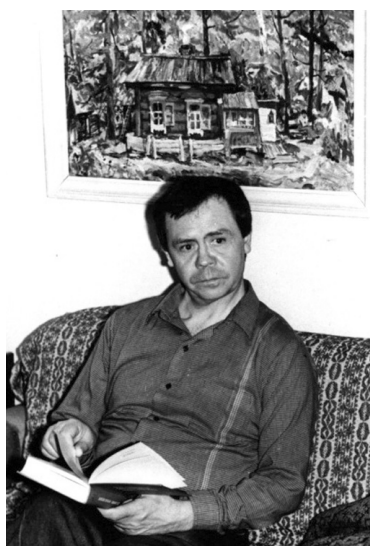

У нас на Байкале

Какая-то постоянная бездонная грусть светится во взгляде, будто постиг он или приблизился к постижению неведомого ещё людям страдания и готов пострадать за них и покаяться, облегчить жизнь, принявши боль земную, все тяготы человеческие на себя...

Виктор Астафьев

Валентин Распутин

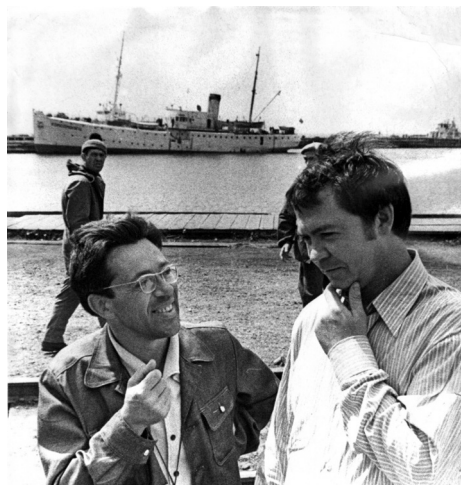
В 1969 году в Порту Байкал на горке, у истока Ангара купил дачу писатель Глеб Иосифович Пакулов. В его большой светлый дом, сложенный из крепких лиственничных брёвен, стоящий в зелени высоких трав и деревьев, стали приезжать в гости его друзья, среди которых был Валентин Распутин. Сразу за домом начинаются поляны, сплошь заросшие цветами. А внизу сверкающей лентой раскинулась Ангара. В этом месте она рождается: пятнадцать минут ходьбы — и открывается великий Байкал. Эти сказочные места манили и притягивали всех, и многие из гостей вскоре сами обзавелись дачами в посёлке. Валентин Григорьевич Распутин в 1974 году купил в Порту Байкал дом, приписанный к улице Вокзальной и значащийся под номером 1. На самом деле этот дом стоит одиноко между двумя частями посёлка, расстояние между которыми около километра. Он тесно прилеплен к старой байкальской горе, с высоты которой десятки лет тёмными ночами посылал свет маяк, доставленный сюда из далёкой Англии. В мае эта безлесая внизу, скалистая гора

полыхает багульником, в июне белеет кашкой, а осенью от её сказочного разноцветья, от тёмной синевы Байкала, искрящего солнечными звёздами, просто захватывает дух. Сбылась мечта писателя: у него появилась возможность видеть озеро каждый день, наблюдать за ним, любоваться им. Домик, одиноко стоящий на берегу священного озера, постоянно меняющийся цвет воды и её блеск за окнами, шум волн и золотые россыпи брызг, перелетающих через дамбу... Что ещё надо для счастья и работы писателю, влюблённому в Байкал!

Озеро-море блистает великолепием совсем рядом и катит волны почти к самой даче. Границей между домом и Байкалом служит лишь старая Кругобайкальская железная дорога, сейчас одноколейная, а в первой половине XX века колес было две. Возле дома, ставшего распутинским, десятки лет находилась высокая будка стрелочника, ревели паровозы и заволакивали окрестности густым чёрным дымом и облаками белого пара. Да и сейчас каждым летом можно иногда увидеть паровоз, со свистом, шипением и оглушительным рёвом везущий туристов со всего мира подивиться на байкальские красоты. А в 70–80-е годы здесь ходил поезд, составленный из товарных, пассажирских вагонов, цистерн с горючим. В рассказе «Век живи — век люби» Валентин Григорьевич назвал этот поезд, на котором ему приходилось ездить неоднократно, сборным чудом-юдом: «Да это и не поезд

был, что принято называть поездом, а скорее грузовой состав, к которому прицеплялось для пассажиров когда три, когда четыре вагона, а зимой так хватало и одного. Рано утром это устаревшее сборное чудо-юдо уходило из посёлка и поздно вечером возвращалось...»

За железной дорогой, опять же рядом с домом, располагается портовской причал. В 70-е годы от этого причала отправлялись в путь по Байкалу многие пассажирские теплоходы и пароход «Комсомолец», совершавший круизы по Байкалу и не вмещавший всех желающих объехать Байкал (иногда туристы ехали в палатках на корме); а также теплоходы-труженики, везущие длинный хвост плотов из толстых брёвен. Были даже свои танкеры, доставлявшие горючее на север Байкала.

Валентин Распутин на портовском причале на фоне парохода «Комсомолец»

Дача, состоящая из маленького дома и крошечного флигелька, построенного Валентином Распутиным и писателем Глебом Пакуловым, напоминает оазис: здесь привольно живётся тополям, берёзам, черёмухе, сирени, огромной лиственнице. Близость Байкала, живописные горы, тишина, изредка нарушаемая проходящим поездом, — всё наполняет душу красотой, даёт ощущение вечности, пищу для размышлений, творчества. Вот с какой любовью говорит о своём участке Валентин Распутин в рассказе «Что передать вороне?»: «У нас на Байкале была своя ворона. У нас там был свой домик, своя гора, едва ли не отвесно поднимающаяся сразу от домика каменной скалой; из скалы бил свой ключик, который журчащим ручейком пробегал по нашему двору и

возле калитки опять уходил под деревянные мостки, под землю, и больше уже нигде ни для кого не показывался. Во дворе у нас стояли свои лиственницы, тополи и берёзы и свой большой черёмуховый куст. На этот куст слетались со всей округи воробьи и синицы, вспархивали с него под нашу водичку, под ключик (трясогузки длинным поклоном вспархивали с забора), который они облюбовали словно бы потому, что он был им под стать, по размеру, по росту и вкусу, и в жаркие дни они плескались в нём без боязни, помня, что после купания под могучей лиственницей, растущей посреди двора, можно покормиться хлебными крошками. Птиц собиралось помногу, с ними смирился даже наш котёнок Тишка, которого я подобрал на рельсах, но мы не могли сказать, что это наши птички. Они прилетали и, поев и попив, опять куда-то улетали. Ворона же была точно наша...»

«Оазис» в Порту Байкал быстро стал для писателя своим, родным местом. Валентин Григорьевич любил гулять вдоль берега, по старой железной дороге, тихий и задумчивый, сидел на берегу, глядя, как плещут волны озера-моря, которое катит их миллионы лет. Жил просто: топил печь, подметал дворик, сажал картошку, подправлял забор. Воду предпочитал байкальскую, говорил, что она вкуснее, и ходил с вёдрами к озеру, хотя можно было брать очень чистую воду из ключика в своём дворе. Хрустальная горная вода, конечно вкусна, жива. Но вода Байкала, этот щедрый дар небес, — сокровище, чистейший и глубочайший земной колодец, не может сравниться ни с чем. Валентин Распутин с детства пил байкальскую воду, избыток которой несла Ангара жителям стоящих на её берегах деревень и городов. Большую часть жизни писатель прожил в Иркутске, и приходилось пить воду из городских труб. Конечно, он почувствовал огромную разницу, это была мёртвая вода, ему казалось, что вытекает она из преисподней.

Воде и чаепитию Валентин Григорьевич придавал великий смысл. Люди, живущие на Руси, чаепитие всегда считали значимым событием. Для чая необходим был русский самовар и живая земная вода. За чаем общались, задушевно пели под гармонику уплывающие в необъятные просторы красивые песни, сложенные на родной земле, и проникались любовью к этой земле, к природе, к людям. В рассказе «Что передать вороне?»

утреннее чаепитие в одиночестве на даче дано как таинство. Первый глоток байкальского чая обычно несёт гармонию и вдохновение, настраивает на работу, на связь с космосом, помогает увидеть сокрытое для глаз, «отыскать нужный голос, который не спотыкался бы на каждой фразе, а, словно намагниченная особым манером струна, сам притягивал к себе необходимые для полного и точного звучания слова...» Недаром старики в «Прощании с Матёрой» ангарскую водичку и чай из самовара не променяли бы на все городские блага. «Ой, да какой там чай! — говорит героиня повести Настасья. — Вода не дай бог морёная, её там травят чем-то, чтоб Ангарой не пахла...» В фильме «Река жизни» Валентин Распутин приводит слова, которые зацепили его и постоянно вспоминались: « Без реки, без Ангары нашей, никто не проживёт, а все реки мимо Бога протекают, он в них смотрит и, как в зеркале, каждого из нас видит...» Значит, тем более никто не проживёт без Байкала, отца великих рек Ангары и Енисея. Виктор Петрович Астафьев, три раза приезжавший в Порт Байкал, сказал, что в Байкале девственно-чистая вода, в которой, наверное, Создатель омывал новорождённых ангелов, прежде чем пустить их в небо, и оттого у них такие белые, нежные, лебединые крылья...

Как для питья Валентин Распутин выбирал чистейшую воду, байкальскую, так в речи предпочитал слово русское, сохранял его девственную чистоту и страдал от загрязнения родной речи не менее, чем от загрязнения воды в реках и озёрах. Да и слова «река» и «речь», конечно же, одного корня, родились от одной славянской праматери. Писатель видел, как сплошным потоком вероломно вторгаются в русский язык англицизмы и подменяют собой слова, взлелеянные пращурами, рождённые самой природой нашей Руси. Вода и речь — это бесценный дар предков, к нему нужно относиться бережно и защищать от всего наносного, что и делал всю жизнь Валентин Григорьевич. И тогда Россия будет процветать.

В. Крутин и В. Распутин на Куликовом поле

Здесь, на байкальском берегу, Валентин Распутин черпал вдохновение для создания своих самобытных книг о жизни сибирской деревни, о судьбе простого русского человека. Этот приозёрный уголок был мил немногословному, любящему уединение Распутину. Здесь, в стареньком доме и флигельке, «бисерным» почерком создавались лучшие произведения Валентина Григорьевича: «Живи и помни», «Прощание с Матёрой», «Век живи — век люби», «Что передать вороне?», «Наташа».

«Мне хорошо пишется в домике на Байкале», — говорил он. Насколько хорошо, можно понять из того же рассказа «Что передать вороне?» В самом начале писатель говорит о том, как на даче пошла работа, зазвучал нужный голос и с какой неохотой ему пришлось отрываться от стола, ехать в город. И чтобы не растерять вдохновение, сошедшее к нему на байкальской земле, вернулся в порт вечером того же дня, даже видя, что маленькая дочь сильно соскучилась и очень хочет, чтобы отец остался дома хотя бы до утра. Валентин Распутин недоволен собой, он рассказывает о том, как сразу в наказание за поездку начались невезение и разлад в душе. И Байкал, когда до него с трудом добрался писатель, был неспокоен и неприветлив: «Безветрие и грохот воды; ощущение было жутковатое — точно там, за краем причальной стенки, начинается другой свет». Ехать пришлось на портовском катеришке в сильный шторм: «...Катерок наш то вонзался в воду, то взлетал в воздух... а я, мокрый и продрогший, сидел на мешке с картошкой, который ездил подо мной, и безучастно ждал, чем всё это кончится...» Почему, ради чего Валентин Григорьевич отказался от тёплого вечера в семейном кругу? Его душе не давала покоя боль за Русскую землю, и он торопился на Байкал, чтобы осуществить свой творческий замысел. Тянула одинокая

дача, на которой он мог вдохновенно писать, «Матёра» — величайшая повесть XX века, в которую он вкладывал свою боль и всего себя. За это пришлось заплатить ещё одной болью: ему пришлось ощутить разлад с самим собой и природой, почувствовать обиду и отчуждённость дочери, которая заболела из-за отъезда отца, и невозможность в этот вечер и на следующий день написать ни строчки. Для чего же писателю было дано пережить такое состояние? Вероятнее всего, чтобы появился прекрасный рассказ-откровение «Что передать вороне?»

Доводилось жить в своей избушке Валентину Распутину и зимой. Переправы в зимние месяцы, когда стоял лёд, не было, и приходилось ему, как местным жителям, добираться из Листвянки в порт пешком. Чтобы попасть в свой домик, нужно было пересечь незамерзающий исток по кромке льда. По дороге попадаются большие трещины, лёд гудит, трескается под ногами, временами густой туман плотной завесой закрывает путь, пронизывающий хиус забирается под одежду. Путь не совсем безопасный, но незабываемый. Зимний исток Ангары прекрасен! Лёд местами покрыт снегом, местами, очищенный от него ветрами, во всей красе лежит сияющим прозрачным зеркалом. Сквозь чистый лёд, весь в зигзагах и сплетениях белёсых трещин, видна вода, в зависимости от глубины кажущаяся то чёрной, то синей, то светло-зелёной. Встречаются живописные причудливые нагромождения торосов. Недалеко от пешеходов плещутся в стыллой дымящейся ангарской воде дикие утки, каждый год прилетающие сюда зимовать. А какие яркие и вместе с тем нежные рассветы и закаты на зимнем Байкале!

Валентин Григорьевич любил Байкал в любое время года. Но зимой жить подолгу здесь не мог: нужно было заготавливать дрова, подолгу топить печь. А с мая, когда озеро вскрывалось, он жил, в основном, на даче. На лето приезжала и семья Распутиных.

Жена Светлана Ивановна, маленькая дочь Маша и сын Сергей тоже полюбили домик на Байкале. Светлана Ивановна, спортивная, увлекающаяся теннисом, купалась в Байкале. Дети любили проводить здесь лето, загорали, плескались в воде, набирались байкальского тепла и света на долгую зиму. Бывавшие в гостях у Распутиных Валерий Николаев и его жена Галина, учившаяся со Светланой в университете, в 1978 году также приобрели в посёлке дом.

Дача В.Г. Распутина

Много думал в своём домике писатель о нелёгкой доле русского народа и о страшных испытаниях для русского духа, выпавших во второй половине XX века. В 50-е годы началось строительство Иркутской и Братской ГЭС, повлекшее затопление больших территорий. В фильме «Река жизни» энергетик рассуждает так: «Мы не будем жечь 3000 тонн угля каждые сутки. Или мы затопим старое село. Что для нашей цивилизации лучше? Есть понятие: плата

за цивилизацию». Это рассуждение сродни примерно такому: «Отруби-ка матери палец и будешь жить богато». Дешёвая электроэнергия дорого обошлась людям, выселяемым с обжитой веками земли, особенно старикам, которые, как вековые деревья, выросли в родную почву. Потрясают слова Дарьи из «Прощания с Матёрой»: «А как можно отдать на смерть родную избу, из которой выносили отца и мать, деда и бабу, в которой сама она прожила всю, без малого, жизнь...» Но всё же затопили посёлки, затопили с погостами, с церквями. Был затоплен даже Братский острог, хотя часть его всё же сохранили: перевезли в музей посёлка Тальцы, что находится недалеко от Байкала. Уничтожалась красота русской природы, на дне оказались сибирские леса. Деревья, напоминающие гигантские водоросли, медленно умирали, а потом «утопленники» во множестве всплывали на поверхность немым укором. Русские земли издревле выжигали враги, ангарские же земли выжгли дотла, а потом и затопили «сыны» отечества в целях экономии. Валентин Григорьевич понимал,

что воды, пущенные человеком для затопления земли как «плата за цивилизацию» могут подмыть корни огромного, хранящего Землю Лиственя, и поплывёт человечество в ужасе и хаосе, им же созданном, к быстрому своему концу. И защищать Землю надо всем миром.

Варварское отношение к природе, к своим соотечественникам стало личной болью для Валентина Распутина, родившегося на Ангаре в небольшом посёлке Аталанка. Он говорил: «Я всегда был и останусь на стороне защищающейся от человека природы». Вышедшая в 1976 году повесть «Прощание с Матёрой» стала откровением для многих читателей, заставила их содрогнуться от содеянного людьми на земле, наполнила сердца болью за стариков, сплотившихся, отстаивающих родные дома, родные могилы. Но противостоять силе принятых государственных решений они не могли, как не может земля побороть натиск большой воды.

Ангара связана с Байкалом кровными узами. И Валентин Распутин, находясь на Байкале, следил за событиями, происходящими на Ангаре, чувствовал природу реки, слышал плач затопленной земли. Быстро слагалась повесть, хорошо работалось в байкальском домике под сенью семи лиственниц, одну из которых он в рассказе «Что передать вороне?» назвал могучей. Может быть, с неё рисовал он тот самый незабываемый Листвень из «Прощания с Матёрой»?.. Жители Порты Байкал часто бывали у писателя в гостях. Многие засиживались допоздна, любили поговорить с Валентином Григорьевичем, тем более что он внимательно слушал каждого. И многим писатель дарил свои книги с автографами. Можно было его увидеть сидящим на берегу с грузчиками порта, которые рассказывали о своём нелёгком житье. Иногда рыбачил с местными жителями на Ангаре, хотя рыбалка не была его страстью. Приходилось ездить в шторм на лодке с лихим лесничим Носыревым, который утонул в Байкале. Общаясь с местными жителями, художник подмечал всё: чем живёт простой сибирский человек, чем интересуется, как говорит, как ведёт себя в тайге, как относится к другим. Многих портбайкальцев можно встретить на страницах произведений Распутина. Вот бабушка села отдохнуть возле его дачи и смотрит с укоризной, как может мужчина так поздно вставать, вот разухабистые пьяные парни, падающие на катеришке с мешками картошки, с риском для жизни в шторм доставляют его в порт... Некоторые жители стали прототипами главных героев повестей и рассказов, в том числе и «Прощания с Матёрой». История с оцинкованным ведром в рассказе «Век живи — век люби» не выдумка писателя, она на самом деле произошла в прибайкальской тайге.

Валентин Распутин не понимал, как можно везти картошку из города в деревню и как можно не запастись на зиму лесными дарами, живя недалеко от леса. Сбор ягоды был его страстью. В молодости писатель страдал гипертонией и часто ходил и ездил за жимолостью. Иногда возил его на машине на ягодники Альберт Семёнович Гурулёв, приехавший в Порт Байкал. Ходил в лес с издателем Николаем Ивановичем Есипёнком, у которого есть об этом рассказ. Много лесных троп было искожено с учёным-фольклористом, преподавателем Иркутского госуниверситета Валерием Петровичем Зиновьевым, с которым Распутин познакомился в Иркутске, а подружился на Байкале. Ходил за ягодами и с Пакуловым, хотя Глеб Иосифович собирать ягоды не любил, зато не мог жить без рыбалки.

«За ягодами». К. Мончилов, Г. Пакулов, В. Распутин

Нередко приглашали его за ягодой на старую железную дорогу и местные жители. Они водили его на ягодники, расположенные во многих местах Кругобайкалки: на 80-м километре, на 94-м, на 102-м. Поезд («сборное чудо-юдо») уходил ночью, возвращался вечером. Часто оставались ночевать в лесу в зимовьях. Добротное зимовье было построено в лесах в районе 80-го километра. Не раз проводил в нём ночь писатель. На 94-м километре очень привлекала Распутина избушка, находящаяся недалеко от желез-

ной дороги на живописной полянке, но надёжно спрятавшаяся в деревьях от посторонних глаз. Да и посторонних глаз в этих местах бывает мало. Хотелось здесь жить и писать, в таком месте никто не докучает, тишина, красота, пенье птиц, и до святого Байкала рукой подать: он плещется за рельсами Кругобайкалки. Кругобайкальская железная дорога и прилегающие к ней леса настолько живописны, что могут наполнить любовью к природе, вдохновить на творчество самого чёрствого человека. А какой богатой кладовой стали они для гениального писателя! Он ходил в тайге легко, ягоду собирал быстро и ловко, с любовью касался каждой ягодки. А какой вкусной была нехитрая еда на привалах и чай, заправленный смородиновым листом и пахнувший дымком! Эти впечатления легли в основу рассказа «Век живи — век люби». Читатель понимает, что не герой рассказа Саня, а сам автор до самозабвения любит природу байкальских гор и полностью растворяется в ней, что это он, зачарованный, с любовью, осторожно срывает каждую ягодку: «Пальцы скоро научились чувствовать податливость ягоды, её крепость и налив, и трогать её то одним лёгким касанием, то осторожным нажимом, то с мягкой подкруткой, чтобы не повредить её, когда ягода не хотела отставать от ростка; пальцы делали своё дело быстро и на удивление ловко... И обминая, обласкивая каждую ягодку, подталкивая их одну за другой в ладонь и ссыпая затем в пристёгнутый к ремню бидон, болтавшийся у него на животе, повторяя во множестве одни и те же движения, он и не замечал их однообразия, как не замечал времени, с головой уйдя в это живое и чувственное рукоделье и потерявшись совершенно в его частом и густом узоре...»

Для Валентина Григорьевича сбор ягод — это рукоделье, волшебство, а вкуснее ягоды, сорванной с куста, ничего нет и быть не может. Его герой оправдывается перед голубицей за то, что вынужден её сорвать: она нужна маленькой девочке по имени Катя. Валентин Распутин заготавливал на зиму ягоды для любимой дочери Маши. Этим «живым и чувственным рукодельем» автор рассказа продолжал заниматься на Кругобайкалке ещё много лет после того, как уехал из посёлка.

В рассказе «Век живи — век люби» автор любит необычными просторами байкальской тайги, неприступными скалами, могучими соснами и кедрами — всем, что открывается взору. И слагает гимн прекрасному солнечному дню, одному из тех, какие выдаются в природе редко: «... Это был его величество и сиятельство день, случающийся на году лишь однажды или даже раз в несколько лет, в своём величии, сиянии доходящий до последних границ».

Такой день стал подарком для Валентина Распутина и Владимира Крупина, приехавшего погостить в Порт Байкал. В этот «величество и сиятельство» день они ушли из Порта Байкал по старой железной дороге. Об этом путешествии вспоминает Валентин Распутин в очерке «Байкал», который стал одой байкальскому дню, блистательной поэзией прозы: «Был август — лучшее, благодатное время на Байкале, когда нагревается вода и бушуют разноцветьем сопки, когда, кажется, даже камень цветёт, полыхая красками; когда солнце до блеска высвечивает вновь выпавший снег на дальних гольцах в Саянах, которые представляются глазу во много раз ближе, чем они есть в действительности; когда уже впрок запаса Байкал водой из тающих ледников и лежит сыто, часто спокойно, набираясь сил для осенних штормов; когда щедро играет подле берега под крики чаек рыба и когда на каждом шагу по дороге встречается то одна ягода, то другая — то малина, то смородина, красная и чёрная, то жимолость... А тут ещё и день выдался редкостный: солнце, безветрие, тепло, воздух звенит. Байкал чист и застывшие-тих, далеко в воде взблескивают и переливаются красками камни, на дорогу пахнёт нагретым и горящим от поспевающего разнотравья воздухом с горы, то неосторожно донесёт прохладным и резким дыханием с моря...»

В этом отрывке Распутин выразил сполна отношение к природе Байкала. Мы видим, с какой гордостью показывает он своему гостю ставшие родными места, как сам он не менее, чем писатель-москвич, по-детски восхищён и зачарован ослепительными картинами Кругобайкалки, как радуется оттого, что его друга переполняют впечатления. Наверное, немного они общались во время этой большой прогулки, слова просто были не нужны. Владимир Николаевич Крупин навсегда запомнил «Его Сиятельство» байкальский день, а

по приезду в Москву написал Валентину Распутину: «Как хорошо, что у нас есть Байкал! Я поднимаюсь утром и, поклоняясь в вашу сторону, где батюшка-Байкал, начинаю горы ворочать...» Валентин Григорьевич подписался бы под каждым из этих слов. Своим друзьям и знакомым, которые собирались уехать из Иркутска, он говорил: «Как можно уехать от Байкала?»

Шли годы, всё менялось в стране и в посёлке. Сплошным потоком шли грузы через порт на север Байкала для строительства Байкало-Амурской магистрали. С южного Байкала на северный большими партиями в виде плотов доставляли строевой лес. Мощными байкальскими ветрами, как нитки, разрывало стальные тросы, которыми крепились плоты из брёвен. Эти плоты длинными хвостами тянулись за теплоходами, которые еле-еле тянули такую тяжесть. Плоты рассыпались, их разносило ветром по озеру, брёвна плавали, потом, тяжелея, уходили под воду, устилали дно. (Одно из таких брёвен, называемых в народе «топляками», и стало причиной гибели Александра Вампилова.) По Кругобайкальской дороге шли многочисленные поезда с грузами для БАМа. Недалеко от домика Распутина загрохотали высотные краны, порой сутки напролёт загружающие многотонные баржи. Покой в доме писателя по улице Вокзальной, 1 закончился. К тому же в отсутствие писателя совершались набеги на дачу, доставляющие писателю много неприятных минут. И Валентин Григорьевич решается на отъезд. Через некоторое время у него появилась новая дача — на 24-м километре Байкальского тракта. С Байкала он уехал, но сердце художника уже целиком ему принадлежало, и на Байкале он продолжал бывать часто и много. И много о нём писал.

Не раз приходилось читать и слышать, что Распутин ничего великого не писал начиная с 90-х годов прошлого века, а писал только публицистику. Как можно назвать то, что создал Валентин Григорьевич в это время, безликим словом «публицистика»? Вот эссе «Байкал предо мною». Это не публицистический текст, это шедевр даже не прозаический, это «чистое золото поэзии», это высочайшая музыка, от которой замирает душа. Это безграничный космос. Читая «Байкал предо мною», так ясно видишь незабываемые картины, подаренные грандиозным художником-Байкалом талантливому художнику-человеку, что озеро предстаёт перед тобой во всём великолепии, во всей тайне, понимаешь, это ТВОЙ Байкал, это ТЫ его только что видел, он перед ТОБОЙ и он прекрасен. Порой ощущаешь себя летящим над синей водой, благоговеешь от красок, от музыки слова, неповторимой, как уникальное озеро. Жители Порты Байкал распечатали этот текст, с упоением читали эти строки, передавали друг другу и гордились тем, что с такой грустью и такой любовью Распутин говорит о своём милом сердцу домике, о своих незабываемых байкальских прогулках, о чудесах, подаренных ему Байкалом: «В молодости, уже и тогда ища одиночества, завёл я в Порту Байкал домик в одну комнатку с кухонькой, жизнь в которой в течение нескольких лет вспоминаю как лучшее, по мне сшитое из всего, что выпадало затем во многих поисках и бытовых одеждах. Особенно любил я там октябрь, когда исчезают и гость, и турист, местный народ успокаивается под скупым теплом и в последних предзимних трудах, общее умиротворение и прощение наступают в мире, и когда каждый отклик, каждый звук в просторных горизонтах раздаётся с певучим колокольным резонансом... Я любил ещё тёплыми и мягкими подарочными вечерами, провожая солнце, уходить по рельсам старой Кругобайкальской дороге далеко, туда, где нет ни одной человеческой души, подолгу сидеть на берегу, совершенно забывая себя, а потом подняться в гору, да повыше, и там тоже замереть в блаженстве, ничего-ничего на свете больше не желая, кроме как надыхиваться и насматриваться хоть до бесконечности расстилающейся внизу благодатью...»

С огромной болью смотрел Валентин Григорьевич, как разбило на осколки русский народ, как разбивает неистовый шторм игольчатый лёд на Байкале, и плывут себе льдины и льдинки в потёмках, куда гонит их ветер, сшибаясь друг с другом, пока не превратятся в однородное крошево. Люди потеряли связь друг с другом, с мирозданием. «Господи, мы одиноки!»

Больно было видеть, как заводы, байкальский и селенгинский, травили Байкал, как суда наполняли воду мазутом, как огромный поток туристов оставлял после себя тонны

мусора. А Байкал постепенно утрачивал способность к самоочищению, к самовосстановлению. Вода мутнела, мертвела... Валентин Распутин боролся за чистую воду, за чистый Байкал, призывал опомниться тех, кто уничтожает уникальное озеро: «Байкал существует не сам по себе в своих автономных границах, и не только ветры и солнце, луна и звёзды по известным нам законам приводят его в движение... Нет, многими и многими чувствительными капиллярами связан он со всем огромным миром, видимым и невидимым, который нам до конца не дано постичь, поэтому лучше оставаться разумными сыновьями. Отцовская благодать Байкала так велика, что ни дух, ни тело наши бедствовать не могут. Так не станем же посягать на то, что нам не принадлежит. Надобно раз и навсегда поверить, что никогда Мать-Земля такое святилище, как Байкал, в том числе и нам, на поругание не отдаст...»

Каким было бы творчество Валентина Распутина, не будь в его жизни Байкала, домика, утопающего в зелени деревьев? Кто знает... Каким было бы оно, если бы он не уехал из посёлка? Неведомо. Ясно одно: Распутину необходим был Байкал, а Байкалу было нужно, чтобы этот великий художник поселился на его берегах. И замечательно, что эта встреча произошла, что Байкал будет вечно сиять со страниц книг Валентина Григорьевича.

Ушёл писатель, остался дорогой его сердцу уголок. Семь лиственниц, как молчаливые часовые, продолжают охранять дом. Так же, как и в далёкие 70-е, на них сидят вороны. Может, среди них есть та, которую Распутины называли «нашей». А за окнами по-прежнему плещется Байкал и, наверное, грустит о потере, ведь такой любящий и благодарный сын был у него пока только один за двадцать пять миллионов лет.

Ирина ПРИЩЕПОВА